

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874
УДК 81'37:003:614:616

Научная статья / Research article

Концептосфера «здоровье — болезнь»: культурный код

Т.В. Маркелова¹✉, М.Л. Новикова²

¹Институт современного искусства,
121309, Российская Федерация, Москва, ул. Новозаводская, 27а

²Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
✉ tvmarkelova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются понятийные, образные и ценностные характеристики концептосферы «здоровье — болезнь», находящей активное отражение в языковом сознании в силу их возрастающей значимости. Эти процессы обусловлены различными тенденциями, приводящими к увеличению опасности для здоровья человека: эпидемии, техногенные катастрофы, ухудшение экологии. В связи с актуальностью проблемы авторы статьи ставят перед собой цель исследования концептосферы «здоровье — болезнь» как стратегии изменения ментальности человека в отношении к здоровью как ценности, норме жизни, а болезни — отклонению от нормальной жизни, что предполагает наблюдения за ценностной и образной характеристикой концепта, выявление и описание «культурной» семантики языковых знаков. Логика исследования продиктована тем, что исходный перцептивный образ, лежащий в основе любого концепта, представляет собой основу вектора конфигурации смыслов, присущих всей организуемой с его помощью тематической области. Проведенный анализ концептосферы «здоровье — болезнь» с помощью инструментов корпусного исследования массива языковых данных позволил обратиться к проективным смыслам моделируемой действительности, их осмыслению и интерпретации. В статье обосновывается, что актуализация хорошего и/или плохого отношения к здоровью и болезни в силу внешних и внутренних причин, это: выход на первый план доминирующих знаков, мотивированных внешними обстоятельствами; формирование новой ментальности в отношении человека к своему здоровью, которое «встраивается» в языковую картину мира, образуя особую концептуальную сферу как совокупность многомерных смысловых образований. Исследование концептов «здоровья» и «болезни» как культурного кода позволяет авторам сделать вывод о том, что они отличаются разной шириной культурного функционала, обусловленного понятийной характеристикой концепта. Представленное в статье описание ценностной характеристики амбивалентных концептов с позиции человека — ценителя, критика, преобразователя собственной жизненной траектории в рамках этических, эстетических, эмоциональных ценностей позволяет существенно расширить представления о различных способах языковой объективации опыта, кванта переживаемого знания, с социально-групповой спецификой осмысления пространства концептосферы «здоровье — болезнь».

Ключевые слова: концепт, когнитивистика, лингвокультурология, языковая картина мира, ценностная характеристика, семантическая структура, дискурс

© Маркелова Т.В., Новикова М.Л., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Финансирование. Благодарности

Исследование выполнено в рамках Президентского гранта, номер проекта 20-1-033599 «Творчество на службе здоровья и развития детей в условиях стационарных клиник».

История статьи:

Дата поступления: 01.04.2021

Дата приема в печать: 15.05.2021

Для цитирования:

Маркелова Т.В., Новикова М.Л. Концептосфера «здоровье — болезнь»: культурный код // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 848—874. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874

UDC 81'37:003:614:616

«Health — disease» Conceptual Sphere: Cultural Code

Tatyana V. Markelova¹✉, Marina I. Novikova²

¹Institute of Modern Arts,
27A, Novozavodskaya street, Moscow, Russian Federation, 121309

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
✉tvmarkelova@mail.ru

Abstract. The research is focused on the conceptual, figurative and value features of «*health — disease*» concepts due to their permanently growing importance, reflected in the language mindset. These processes are caused by various trends leading to the increasing danger to human health: epidemics, human-induced disasters, environment pollution. Due to the relevance of the issues, the authors aim to analyse the «*health — disease*» conceptual sphere as a strategy to change human mentality and the attitude to health as a norm and a value as well as to disease as a deviation from normal life, which implies observation of values and image characteristics of concepts, revealing and describing the cultural semantics of signs. The research is designed according to the original perceptive image that every concept is based on. This image represents a vector basis in a configuration of meanings inherent in the whole conceptual sphere. The analysis of the conceptual sphere using the corpus analysis tools allowed the authors comes to the conclusion that they vary and differ within cultural functionality determined by the conceptual characteristics. Actualization of a negative or positive attitude to health and disease caused by internal and external factors reveals the dominance of the signs motivated by the external events, such as the formation of the new human health-oriented mentality and the creation of a specified conceptual sphere. The description of ambivalent concepts provided in the axiological perspective provides an opportunity to learn more about complicated conceptual spheres and explore linguistic experience objectivation, experienced knowledge quantum as well as social and group specifics in the «*health — disease*» conceptual sphere.

Keywords: concept, linguistics, cultural studies, linguistic worldview, axiological characteristics, semantic structure, discourse

Financing. Acknowledgments

The study was carried out within the framework of the President's grant, project number 20-1-033599 "Creativity in the service of the health and development of children in the conditions of inpatient clinics".

Article history:

Received: 01.04.2021

Accepted: 15.05.2021

For citation:

Markelova, T.V. & Novikova, M.L. (2021). «Health — Disease» Conceptual Sphere: Cultural Code. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 848—874. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874

Введение

Ключевая идея работы о важности и своевременности постановки вопроса «здоровье-болезнь» обусловлена не только объективным состоянием общества и его потребностями, но и недостаточно полно представленной научной позицией данной концептосферы в лингвистической науке. Исследуемые концептуальные знаки не представлены ни в перечне концептов Ю.С. Степанова [1. С. 990]; ни среди концептов лингвокультурного кода В.И. Карасика [2. С. 121—178].

Исследования концептосферы здоровья как культурного кода и ее актуальность позволяют обратиться к процессу «переживания знаний» о теле и духе, плоти и крови, силе и слабости для каждой языковой личности как индивидуально-личностному и одновременно культурно-групповому процессу в единстве языковых, коммуникативно-прагматических, когнитивных, социо- и этнокультурных, коммуникативно-технологических характеристик. Анализ заявленных концептов и их культурного кода оправдан задачами проекта Института современного искусства «Здоровье как искусство. Искусство на службе здоровья», направленного на изменение ментальности российского человека в его отношении к здоровью, приоритета в отношении к здоровью как ценности, достоинству личности, а к болезни — как к недостатку.

Именно в медицинском дискурсе сосредоточено много проблем здоровья и болезни и их позитивных и негативных интерпретаций, коррелирующих с состоянием общества, прогнозирующих условия его развития или застоя. В рамках междисциплинарного характера изучения медицинского дискурса акцентируется внимание на его специфических дискурсивных признаках [3. С. 199—215], обусловленных интересом к нему представителей различных научных направлений. Сквозь призму дискурсивной компетенции медиков как интегративной формы ряда компетенций: тезаурусной, экстралингвистической, стратегической (интерактивной), паралингвистической и эмотивной [4. С. 38—39], изучаются цветовые ассоциации восприятия здоровья и болезни в современной русской культуре [5], лингвокогнитивные особенности мифа о болезни [6], исследуются обыденный медицинский дискурс и профессиональный дискурс как «зоны пересечения, обусловленные прежде всего контаминацией способов дискурсивного оформления профессиональных и непрофессиональных медицинских знаний (представлений)» [7. С. 128]. Именно междисциплинарный ракурс исследования медицинского дискурса

представляется чрезвычайно важным и актуальным в сфере поставленной нами цели исследования концептосферы «здоровье — болезнь» как культурного кода.

В фокусе нашего внимания решение следующих задач: выявления корпуса языковых средств, реализующих сферу концептов «здоровье» и «болезнь» лексическими и фразеологическими средствами и на их основе описание понятийной характеристики концептосферы; анализ ценностной характеристики амбивалентных концептов с позиции человека — ценителя, критика, преобразователя собственной жизненной траектории в рамках этических, эстетических, эмоциональных ценностей; исследование оценочной метафоры как одного из средств выражения образной характеристики концепта в репрезентации положительной и отрицательной его сфер. Такая призма исследования является весьма актуальной и позволит представить многостороннее описание концептосферы «здоровье — болезнь», проанализировать ценностные репрезентации культуры и искусства в разных областях и степени их воздействия на ментальность человека.

Соотнесения языкового знака с содержанием культурного знака в лингвокогнитивном и лингвокультурном пространстве

Языковая картина мира, в которой «рисует» отношение человека к окружающей его действительности, — одновременно общенациональная и индивидуальная. Она наполнена ключевыми идеями и ключевыми словами, среди которых есть слова-ориентиры, структурирующие человеческую жизнь от рождения и до смерти — это первичные репрезентанты объекта нашего исследования — слова *здоровье* и *болезнь* (а также производные от них: *здоровый* — *больной*). Именно они составляют базовое содержание концепта в его лингвокогнитивном и лингвокультурном пространстве, направленном на поиск и анализ языкового и речевого освоения действительности человеком. В них сконцентрирована языковая информация, несущая лингвокультурный код — «...систему взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное миропонимание» [2. С. 122].

Воспроизведение концептом как лингвокультурной единицей его смыслового поля ведет к формированию такого образа мира, который адекватен реалиям, в том числе культурным, этого мира и служит ориентиром для эффективной деятельности человека в нем, причем деятельности ментально-практической. Формирование принципов организации здоровой среды для здоровья человека нуждается в выделении и организации языкового пространства особенного медицинского дискурса, представляющего парадигму «здоровый человек — здоровый город — здоровая нация».

Роль этой парадигмы — в побуждении людей к восприятию и когнитивному развитию понятия *здоровье — здоровый образ жизни* и негативной

интерпретации понятия *болезнь* — *нездоровый образ жизни*. В развитии этой ментальной области в рамках заявленной парадигмы принимают участие понятийные, образные и ценностные характеристики концепта, дефиниция которых может воздействовать на изменение картины мира личности, «погрузить» ее в новую ментальность, достичь перлокутивного эффекта изменения отношения к своему здоровью и реализации этого отношения в обновлении поведения социума в обществе. В частности, оздоровления человека и нации в целом через интеграцию искусства и медицинской науки в рамках языкового пространства и дискурсивных стратегий.

Эта дискуссионная идея о влиянии внеязыковых явлений на семантику языковых единиц и их роль в дискурсе восходит к убеждениям В. фон Гумбольдта, который видит в языке «промежуточный мир» между мышлением и действительностью, при этом язык фиксирует особое национальное мировоззрение [8. С. 318], и взглядам Э. Сепира, утверждающего, что «современному лингвисту становится трудно ограничиваться лишь своим традиционным предметом... он не может не разделять взаимных интересов, которые связывают лингвистику с антропологией и историей культуры, с социологией, психологией, философией и — в более отдаленной перспективе — с физиологией и физикой» [9. С. 260—261].

Так, знания о «здоровье» и «болезни» формируются тематическим полем медицинского дискурса в ранге лексем и фразеологизмов, образных выражений в их различных функциональных ракурсах, например, знания о здоровом человеке, то есть «сильном», передаются фразеологизмами *лошадина сила; медвежья, геркулесова сила; богатырская сила; косая сажень в плечах; грудь колесом; кровь с молоком*, а знания о больном, то есть «слабом», фиксируются в таких устойчивых оборотах, как *кожа да кости; спичка спичкой; еле ноги волочит; от ветра валится; соплей перешибешь* и др. Это поле аксиологически преобразуется в ментальном пространстве и реализуется многочисленными метафорическими образами в художественном, бытовом и медиадискурсе: *Экономика разрушает печень государства; врожденный порок рыночной экономики; власть находилась в коллапсе* (по материалам «Новой газеты») и мн. др.

Исходя из того, что языковая картина мира — это «главная часть семантической системы языка, в которой закреплены обиходные представления говорящих» [10. С. 115], и поэтому в ней оказывается возможным воссоздать поэтапное формирование семантики языковой единицы под воздействием картины мира и определить ее роль в изменении сознания говорящего, в нашем случае изменении картины мира говорящего в его представлениях о здоровье и болезни как положительных и отрицательных качествах его жизни.

Для решения сформулированного выше дискуссионного вопроса в данном исследовании применяется лингвокультурологическая теория, согласно которой семантика слова и фразеологизма анализируется на фоне ценностной картины мира, то есть в рамках антропоцентрической парадигмы «язык—человек—сознание—культура», с учетом парадигмы лингвокогнитивной

теории «язык—человек—сознание» с ее поиском возможностей передачи информации. Поэтому концепт, вслед за Ю.С. Степановым, Г.Г. Слышкиным и В.И. Карасиком, понимается как культурный феномен, в структуре которого важна ценностная составляющая: «Не всякое явление реальной действительности служит базой для образования концепта, но лишь то, которое становится *объектом оценки*» [11. С. 11]; «Принципиальна значимость ценностного компонента в структуре концепта, именно этот компонент является культурно-значимым» [2. С. 26].

Важно отметить, что за семантическим содержанием обнаруживаются общие понятийные категории — результат осмысления человеком действительности [12. С. 18], вследствие чего в качестве предмета лингвистической семантики определяется не реальный мир, а концептуализация мира, а в качестве фрагмента языковой картины мира рассматривается *концепт*. Взаимодействие с лингвокультурным планом требует соотнесения языкового знака с содержанием культурного знака в языковой картине мира говорящего, которые культура «набрасывает на мир», например: пространственный код — *вдохнуть жизнь, кровь ключом кипит*; временной код: *без памяти, во все лопатки, в чем душа держится*; предметный код — *сердце упало, кровь стынет* и др.

Подобно тому, как в лингвистике существует несколько подходов к определению сущности концепта, существует и несколько взглядов на его структурную организацию:

а) концепт обладает *слоистой структурой* [1. С. 992], в которой в качестве компонентов выделяют основной слой/актуальный признак, пассивный/исторический слой и внутреннюю форму;

б) концепт имеет *полевую и иерархическую структуру* [13. С. 14], в которой различают ядро/базовый слой и периферия/интерпретационное поле.

Для нас актуальнее придерживаться полевой организации концепта, так как *здоровье* и *болезнь* определяем как полюсы (зоны) одного семантического поля, а фразеологизм — как единицу функционально-семантического поля оценки [14. С. 67—80]. Таким образом, мы имеем возможность сравнивать и соотносить эти лингвокультурные феномены — концепт, фразеологизм, оценку — и моделировать их структуру в «единой системе координат».

Анализ концептосферы «здоровье — болезнь» с помощью инструментов корпусного исследования массива языковых данных

Возникающая при этом сложная и неоднозначная проблема корреляции языковых и ментальных образований находит свое решение в практике реальной жизни. Осознание индивидуумом и обществом *здоровья* как ценности способствует эстетическому совершенствованию и сохранению духовного мира и, как следствие, совершенствованию окружающего предметного мира. Изменение отношения индивидуального и коллективного сознания к *болезни*,

которая рассматривается как проявление ошибочного мышления, непонимание *здоровья* как ценности, приводит к мнению о том, что болеть не модно, не престижно и экономически невыгодно, формируя соответствующую языковую картину мира говорящего. Только исследование жизни концепта в слове и фразеологизме и его преобразующие возможности способны повлиять на сознание и создать «правильную» языковую картину мира говорящего, осуществить грамотное и целесообразное воздействие на человека средствами языка и речи. Концептуальный анализ позволяет выявить специфику исследуемой концептосферы, связывая в единое целое представления носителей культуры и особенности процессов категоризации и концептуализации мира.

Анализ большого объема материала по базам данных, сформированным из языковых корпусов, делают исследование репрезентативным. Для получения более полной картины обсуждаемой концептосферы, эмпирически релевантных данных (не ставя своей задачей ее полного статистического описания), обратимся к корпусным исследованиям манифестации концептов «*здоровье*» и «*болезнь*». Мы поддерживаем утверждение о том, что «корпус является средой для получения новых научных данных, осмысление которых представляется приоритетным для современного лингвистического описания и абсолютно необходимым в научной деятельности современного исследователя» [15. С. 27]. Когнитивная лингвистика активно обращается к корпусным исследованиям, что обусловлено стремлением исследователей «разработать интегрированную методологию в двух современных парадигмах когнитивной и корпусной» [16]. Новые разработки в количественном изучении языков, обращение к данным Российского национального корпуса, ruWas и ruTenTen и др., позволяют фиксировать частотность использования языковых единиц и изучать лингвистически релевантные параметры репрезентируемых ими знаний, поскольку «человеческое знание — это знание текстуальное, т.е. представленное в текстах, фиксируемое текстами, и, главное, порождаемое в текстах» [17. С. 44]

Проведенный анализ концептов «*здоровье*» и «*болезнь*» с помощью инструментов корпусного исследования массива языковых данных позволяет выделить грамматические конструкции и проективные смыслы моделируемой действительности, осуществить их осмысление и предложить интерпретацию причин такого распределения, охарактеризовать их связи. В целях решения поставленных задач обратимся к конкордансу (лат. *conncordare* — ‘согласовываться, приводить к согласию’), интерпретируемому как список всех употреблений данного слова в контексте, представляющему собой «упорядоченный список словоформ (или слов) с указанием всех вхождений того или иного слова в заданный массив текстов» [18. С. 72], что принципиально важно для изучения его как культурного знака, активно формирующего этические параметры общения, жизненные установки, приоритеты, ценности и лингвокультурные особенности общества. Ниже выборочно представлены результаты анализа, систематизированные в виде таблиц (табл. 1, 2) и рисунков (рис. 1, 2).

Таблица 1 / Table 1

**Конкорданс существительного *здоровье* (3 074714 источников)
Concordance – *здоровье* as a noun (3,074,714 sources)**

Здоровье – подлежащее	Прилагательное + <i>здоровье</i>	Здоровье + существительное в родительном падеже	Союзные словосочетания (и/или)	Здоровье – дополнение	Здоровье + существительное в творительном падеже
ухудшиться	крепкое	состояние	счастье	поправить	рисковать
пошатнуться	психическое	укрепление	болезнь	укрепить	сиять
улучшиться	физическое	охрана	спокойствие	подорвать	жертвовать
восстановиться	душевное	поддержание	среда	сохранить	поплатиться
укрепиться	отменное	ухудшение	фигура	восстановить	светиться
закладываться	женское	залог	здравоохранение	беречь	озаботиться
подкачать	репродуктивное	восстановление	чистота	улучшить	похвастаться
поправиться	слабое	расстройство	питание	укрепить	лучиться
подвести	нравственное	повреждение	выносливость	обрести	рискнуть
подорвать	психологическое	нарушение	милосердие	губить	дорожить
портиться	богатырское	показатель	карьера	гробить	обеспокоиться
пошалить	плохое	основа	уверенность	ценить	пренебрегать
волновать	телесное	гарантия	свежесть	копить	веять
сопутствовать	мужское	символ	иммунитет	защищать	слабеть
слабеть	сибирское	резерв	отдых	ослаблять	распоряжаться
сопровождаться	драгоценное	центр	стройность	гарантировать	поступаться
страдать	духовное	родник	трезвость	терять	наградить
поддерживаться	сексуальное	формирование	мода	подарить	наполнять
заботить	репродуктивное	ценность	деньги	калечить	отличаться
нарушаться	общественное	ресурс	жизнедеятельность	расшатывать	запастись
подкопаться	железное	рецепт	досуг	застраховывать	одарить
хромать	могучее	тропа	покой	расстраивать	наливаться

Таблица 2 / Table 2

**Конкорданс существительного *болезнь* (2,274,540 источников)
Concordance — *болезнь* as a noun (2,274,540 sources)**

<i>Болезнь</i> — подлежащее	Прилагательное + <i>болезнь</i>	<i>Болезнь</i> + существительное в родительном падеже	Союзные словосочетания и/или	<i>Болезнь</i> — дополнение	<i>Болезнь</i> + существительное в творительном падеже
прогрессировать	гипертоническая	фаза	травма	лечить	заразиться
протекать	язвенная	возбудитель	голод	диагностировать	болеть
отступать	вирусная	обострение	заражение	побороть	смириться
развиваться	варикозная	течение	инфекция	победить	поражаться
лечить	неизлечимая	профилактика	смерть	предотвратить	мучиться
вызываться	тяжелая	симптомы	старость	симулировать	переболеть
развиваться	смертельная	признаки	недуг	распознавать	поддаться
обостряться	хроническая	стадия	страдание	исцелить	встречаться
отступать	инфекционная	причины	боль	изучить	справиться
сопровождаться	страшная	проявление	страх	исследовать	сражаться
поражать	продолжительная	начало	слабость	открыть	поразить
передаваться	почечнокаменная	течение	несчастье	врачевать	озаботиться
излечиваться	душевная	лечение	бедность	скрывать	сталкиваться
диагностироваться	гемолитическая	диагностика	стресс	загонять	встречаться
уносить	коронарная	развитие	синдром	предупредить	бороться
провоцировать	психическая	фаза	воспаление	пережить	повреждаться

Специфика исследуемой концептосферы состоит в том, что концепты, в нее входящие, реализуются лексемами амбивалентных семантических полей *здоровье* и *болезнь* (*здоровый* — *больной*), имеющих «точки пересечения» и «сопряжения», детерминированные объектом обладания названных ими состояний и свойств — человеком, его организмом в целостности и органами в частности, то есть широчайшей тематической областью реализаций концепта (органы человека, врачи, диагнозы, лекарственные препараты и многое другое) и областью медицинского дискурса. Полагаем, что полученные нами данные и их дальнейшая обработка в аспекте учета широкого контекста, и, соответственно, изучения дискурсивных факторов в будущем может являться важной исследовательской задачей.

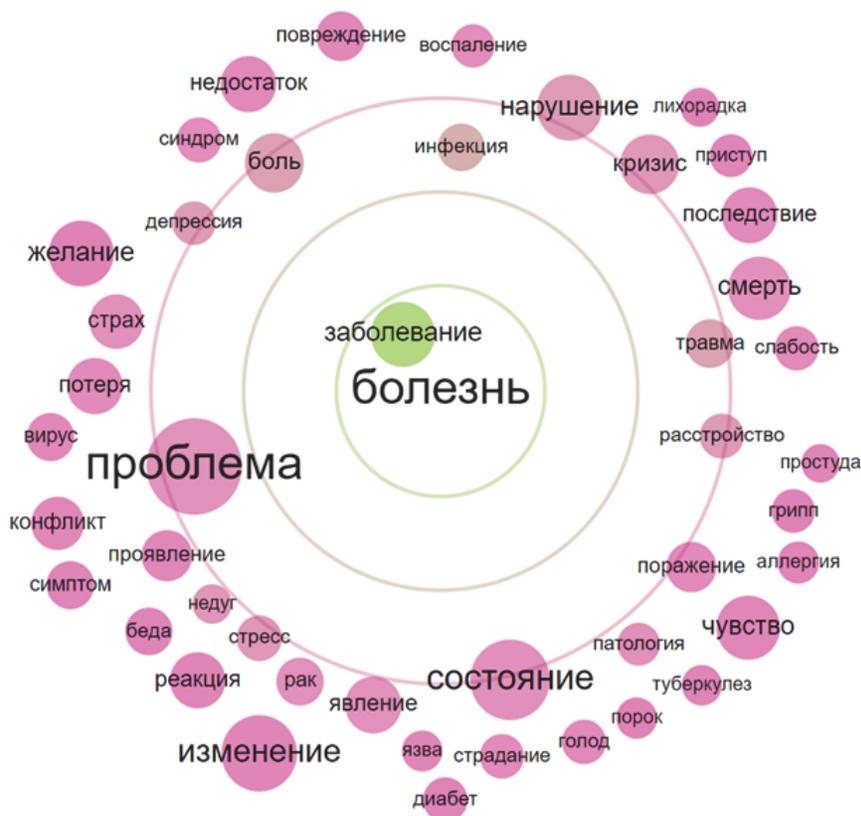

Рис. 2. Тезаурус лексической единицы *болезнь*
Fig. 2. Thesaurus of the lexical unit *болезнь*

Понятийный, образный, ценностный компоненты концептосферы «здоровье — болезнь»

Находясь в «проблемном поле» лингвокультурологии, для полноты семантического описания *лингвокультурного концепта* мы учитываем три его составляющие [19. С. 192]:

а) *понятийную*, отражающую его признаковую и дефиниционную структуру, соотносимую с семантической моделью соответствующей лексемы; б) *образную*, фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании; в) *значимостную* (в терминологии В.И. Карасика, *ценностную*), определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе языка, куда войдут также его этимологические и ассоциативные характеристики.

Понятийный аспект концепта формируется фактуальной информацией о реальном или воображаемом объекте, служащем основой для образования концепта [11. С. 128]. Основой образования концепта *здоровье* служит знание о том, что это *категория состояния* организма и его жизнедеятельности, относящаяся как к обыденному, так и к научному дискурсу и обозначающая явление естественного мира. Обобщенный характер семантической структуры

имени концепта, извлеченный на основе сравнения различных словарей, обозначает широкий спектр взаимосвязанных качеств *здорового* человека (здоровья), репрезентантами которых являются семемы 1) «нормальное состояние организма, при котором правильно функционируют все его органы» (сердце, мозг, печень, почки, сосуды, суставы); 2) «состояние организма в полном порядке, самочувствие, отсутствие недуга, болезни, наличие сил» (синонимический ряд дюжий, сильный, крепкий); 3) «полезный для здоровья, сохраняющий и укрепляющий, не гнилой»; 4) «благополучный, сохраннный»; 5) «здоровомысленный, рассудительный» [20. С. 551].

Обобщенный характер семантической структуры лексемы *болезнь* (*больной*) включает семемы: 1) «нарушение нормальной жизнедеятельности, конкретное заболевание, расстройство здоровья глаз, почек, бессилие и др.»; 2) «страдающий какой-либо болезнью (противоположное «здоровый»)»; 3) «повреждение, разрушение»; 4) «нарушение нормы, отклонение от нормы, отрицательное качество, нарушение свойств» [20. С. 994].

Имена концептов отражают отношение к норме, которое будет описано ниже, а также ценностное отношение к качеству объекта: *крепкое здоровье, слабое здоровье, хорошее здоровье — плохое здоровье*; а также *моральное здоровье, душевное здоровье*. Ср.: *тяжелая болезнь, хроническая болезнь, профессиональная болезнь* и мн. др.

Составляющие семантическую структуру концептов компоненты взаимодействуют также как *сила* и *бессилие* (*слабость*), *разум* и *неразумность*, о чем свидетельствует описание их семантической структуры. На базе концепта *здоровье* в научном дискурсе закрепились следующие устойчивые словосочетания: *состояние здоровья: тяжелое, стабильное, средней степени тяжести* и др.; *вредить здоровью, здравоохранение* и др.

Категориальное значение концепта *болезнь* приобретается в *физиологическом (медицинском) дискурсе*, понимаемое как состояние организма и его органов: *болезнь* глаз, почек, сердца, крови, вызванная нарушением их функций или другими отклонениями в состоянии организма, в частности, слабостью: под *слабостью* понимают «упадок мышечной силы, вялость мышечных движений, легкую утомляемость и потому непригодность к более или менее упорному физическому труду» [21. С. 279].

Количественными показателями болезни могут служить температура (табл. 3) и давление (табл. 4) как признаки нарушения нормальной жизнедеятельности организма.

Таблица 3 / Table 3

Температура как показатель физического состояния
Temperature as an indicator of physical weakness

Степень показания	Низкая	Нормальная	Высокая
Количественный показатель	35,4°C	36,6°C	38,2°C
Проявление	Недомогание	Здоровье	Болезнь
Состояние	Слабость	Сила	Слабость
Оценка	Плохо	Хорошо	Плохо

Таблица 4 / Table 4

Давление как показатель физического состояния
Blood pressure as an indicator of physical weakness

Степень показания	Низкое	Нормальное	Высокое
Количественный показатель	90/60 мм рт. ст.	120/80 мм рт. ст.	180/100 мм рт. ст.
Проявление	Недомогание (гипотония)	Здоровье	Недомогание (гипертония)
Состояние	Слабость	Сила	Слабость
Оценка	Плохо	Хорошо	Плохо

Методом ступенчатой идентификации, суть которого заключается в «последовательном сведении слов через идентификаторы к словам с наиболее обобщенным характером» [22. С. 36], можно установить квинтэссенцию понимания лексемы *здоровье* при ее рассмотрении в двух аспектах:

1) *здоровья*, раскрываемого через понятие *состояние*:

здоровье — «нормальное состояние организма, при котором правильно действуют (функционируют) все его органы» [23. С. 36]; *состояние* — во 2-ом значении «положение, в котором кто-, что-либо находится»; в 3-м — «физическое самочувствие или настроение, расположение духа человека»; *самочувствие* — общее физическое и душевное состояние человека [24. С. 361];

2) *здоровья*, раскрываемого через понятие *деятельность*:

здоровье — «правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие»; *деятельность* — «действовать, совершать поступки»; *функционировать* «быть в действии, работать», быть деятельным, активным, продуктивно работать» [20. С. 994].

Итак, конечный идентификатор *здоровья* в русском языке — *состояние* и *действие*, связывающие слово-концепт с концептом *сила*: «Сила проявляется единственно только в действии и по прекращению его в теле не остается» [24. С. 262]. Действие — это всегда поступок, событие, характеризуемый активностью, функциональностью, влиятельностью, результативностью. Действие предполагает движение, а движение — это жизнь, невозможная без *здоровья*, поэтому в этом смысле *сила* воспринимается положительно.

К *первичным признакам* здорового человека относятся: обладание определенной физической силой: *силен как медведь, здоров как бык, косая сажень в плечах*, способностью производить действие и испытывать его на себе: *втапывать в грязь, затянуть пояса — находиться под дулом пистолета, в пояс кланяться*; умение противостоять внешним воздействиям: *вставать грудью за кого-л., горой за кого-л. постоять*; обладание определенными интеллектуальными и моральными качествами, умениями хорошо разбираться в той или иной области знаний: *быть на высоте, иметь свой конек*.

Вторичные признаки указывают на качественное или количественное проявление данного признака, например «крепкого телосложения, сильный, могучий; прост. неутомимый, ловкий, искусный; прочный (о предметах), исправный, без повреждений, правильный, разумный и др., о чем свидетельствует

такие семы в семантической структуре лексемы *здоровье*, как «правильный», «благополучный», «духовный», «нравственный», «моральный» (пышущий *здоровьем*, на доброе *здоровье*).

Семантическая модель лексемы *болезнь* так же двувёршинна, только ее вершины качественно иные:

1. *болезнь* как физиологическое свойство: *болезнь* — «расстройство здоровья, нарушение деятельности организма» [20. С. 108]; *расстройство* — «заболевание, вызванное нарушением деятельности каких-либо органов» [20. С. 1664]; *нарушение* — «изменения, неполадки в каком-л. устройстве, органе, мешающие их нормальному функционированию, недостаток физических сил, энергии» [20. С. 970];

2. *болезнь* как качественная характеристика: *болезнь* — «отклонение от нормы в чем-либо, отрицательное качество, свойство чего-либо; разрушение, повреждение»; *повреждение* — «причинение вреда», нарушение целостности, исправное состояние» [20. С. 1319].

Методом ступенчатой идентификации, таким образом, был определен конечный идентификатор семантики *болезнь* — «расстройство нормальных функций организма», то есть действие-процесс отрицательного характера, указывающий на негативные свойства состояния человека.

В результате анализа наивных представлений о *болезни* и ее семантике установлено, что этот концепт является также многомерным концептом с рядом первичных и вторичных признаков *силы* и *слабости организма*, которые в большинстве своем берут за основу признаки концепта «здоровье». К *первичным признакам* относятся: недостаток или упадок физических сил, энергии: *не в силах, в чем только душа держится, вернуться без задних ног*; недостаточность или отсутствие твердой воли, малодушие: *хоть веревки вей, слабый духом; с больной головы на здоровую*. *Вторичные признаки* указывают на качественное или количественное проявление данного признака, например, «ослабление функций органов», «телесное страдание, недуг, немочь», «хворь», «отклонение от нормы», «отрицательное свойство», о чем свидетельствуют такие семы в семантической структуре лексемы *болезнь*, как «слабость», «причина», «недостаточно», «отклонение», «весьма», «очень», которые в семантической структуре фразеологизмов не играют большой роли: *Болезни не поддавайся; Не всякая болезнь к смерти; Болезнь и поросенка не красит* [25. С. 112].

Из приведенных примеров становится очевидно, что основными семами в составе различных семем *здоровья* и *болезни* являются «сила» и «ум» как основа положительной оценки; «бессилие» и «нарушение» — как основа отрицательной оценки. Дуальность семантической понятийной характеристики объединяет их не только в антонимичности дефиниций, но и общими семами внутри семем: «порядок», «норма», «благополучие», «организм» — *здоровье*; «нарушение», «антинорма», «страдание», «организм» — *болезнь*. Основу понимания концептосферы «*здоровья и болезни*» как особенной «противоположности» комментирует высказывание Л.А. Новикова: «Хотя с формальной стороны противоположные понятия несовместимы, исключают друг друга,

диалектическая природа их такова, что они не могут не предполагать друг друга, пронизывают друг друга, не существуют друг без друга» [26. С. 59].

Ценностные ориентиры бытия. Здоровье как ценность, болезнь как «антиценность» в рамках языковой и культурной картины мира

Сложный характер (понятийный, образный, ценностный) концептов детерминируется базовым оценочным содержанием: *здоровье* — «соответствие норме»; *болезнь* — «отклонение от нормы». Глубинный социально-психологический контекст употребления ключевого слова *норма*, объединяющего в языковой картине мира аксиологическую категорию оценки и философскую категорию культуры, обеспечивает процесс поляризации концептов по типу *высокое — низкое, небесное — земное, искусственное — естественное*, интерпретируемое лексическими и фразеологическими единицами знаков-символов *хорошо — плохо*.

Предпочтения личности в выборе «ценностных для нее ориентиров бытия — биологического, социального и духовного» зависят от самоосознания своего «Я» по отношению к «Ты—Он». Для носителя культуры эти ориентиры, когда они имеют характер социально-моральных установок — по преимуществу, сближаются с понятиями *нормы*, охраняемой межпоколенной традицией, обычно размытой во времени и пространстве действием предпочтений субъекта культуры в выборе ценностей [27. С. 679—680].

Под *нормой* понимают стандарт, идеал, который всегда нейтрален: «Стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций» [28. С. 65]. *Норма* — центральная и наиболее важная точка отсчета, по отношению к которой определяются значения *антонимов* в рамках скалярно-антонимического комплекса, в нашем исследовании — *здоровье — болезнь (давление в норме, пульс — в норме; температура нормальная)* и др.

Норма имеет слабый выход в лексику. Сфокусированность сообщений на отклонениях от нормы и стереотипа жизни — *быть больным — это ненормально; быть здоровым — это нормально, хорошо* — ведет к тому, что значения, соответствующие полюсам градационной шкалы (указанной выше), богато представлены в языке, а срединная часть — бедно. В амбивалентной сфере двух знаковых концептов мы находим «связку», пересечение и сопряжение полярных значений, реализующих фразеологическими оборотами-выражениями норму в данной концептосфере: *Без болезни и здоровьем не рад; Он чужим здоровьем болен; От здоровья не лечатся; Тот здоровья не знает, кто болен не бывает; Упал-то больно, да встал здорово* [25. С. 675]. То есть мерой отношений между концептами, нормой их культурного кода оказывается неразрывная связь *здоровья и болезни*, в первую очередь во фразеологической системе языка.

В процессе исследования мы избираем фразеологизм как результат концептуальной организации знания, а фразеологическую картину мира — как

мастерство и искусство народа представлять сложные концепты, в первую очередь этнокультурные, в виде образов, каждый из которых интерпретируется в своем коде культуры: *здоровый* — *сильный* (норма), *больной* — *слабый* (отклонение от нормы).

В области аксиологических понятий норма лежит не в серединной части шкалы, а совпадает скорее с ее позитивным полюсом, в нашем случае, *здоровье* — *это норма*. Она часто оценивается положительно, означает, как и лексема *хороший* — ‘соответствующий норме’, а не превышающий ее. Таким образом, употребление концептуальных лексем *здоровье* — *болезнь* (Он *здоров* — Он *болен*; Он *здоровый* — Он *больной*) в роли оценочных предикатов, и прежде всего предикатов общей оценки, организовано отношением «норма — не-норма (отклонение от нормы)». Именно эти значения воспринимаются как поляризованные [28. С. 866]. Таким образом, язык выступает медиатором знаний и культуры, представляя *здоровье* человека как субъективную и объективную ценность, норму, а *болезнь* — как «антиценность», «ненорму», в рамках языковой и культурной картины мира.

В связи с этим *сила* как семантический компонент *здоровья* часто оценивается положительно и принимается за норму, о чем свидетельствуют фразеологизмы: *кровь с молоком*, *быть в силах*, *не знать усталости*, *испытывать силы в чем-л.*, *по всей силе делать что-л.* — это «хорошо». Исходный перцептивный образ, лежащий в основе каждого концепта, представляет собой основу вектора конфигурации смыслов, присущих всей организуемой с его помощью тематической области. Его значения целесообразно связывать с фактами действительности «через отсылки к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке» [29. С. 5—33]. Исходя из этих предпосылок, отмечаем, что этимологическое пространство лексемы-реализатора демонстрирует общность языка-источника, способность к производности, внутреннее значение [30. С. 398] как мотиватор широты концепта и его лингвокультурного поля: *Здоровый* — общесл. префиксальное. производное от **dorvo* «дерево» (с*ь*-*dorv-*) (высокое, крепкое) соотносится со ст.-сл. *дравствовать* — суффиксальное производное от *дравый* — «здоровый». Ср.: *Болець* — общесл. суффиксальное производное от др.-в.-нем. *balō* «беда, болезнь», др.-инд. *bhāl* «мучить. умерщвлять» [31. С. 28].

Качественное развитие семантической теории [26] позволяет объединить в сложных концептосферах исследование способов языковой объективации переживаемого опыта — «кванта переживаемого знания», по Ю.С. Степанову [1. С. 824], с социально-групповой, отчасти этнокультурной спецификой осмысления пространства концептосферы. Считаем, что они не противоречат друг другу, так как эти параметры не только реализуются в лексико-фразеологическом поле языка, но и организуют пространство дискурса в его ключевых для говорящей личности — здорового или больного человека — позициях.

Анализ концептосферы как стратегии изменения ментальности человека в отношении к *здоровью* как ценности, норме жизни, предполагает наблюдения за ценностной и образной характеристикой концепта для установления

его прагматического потенциала и, как следствие, составления полного лексикографического «портрета» обоих концептов на основе национально-культурной специфики картины мира [28. С. 866].

Концепт *здоровья* выступает как культурный знак, активно формируя этический параметр общения — ритуалы приветствия, пожелания — на основе морфологической формы исходного смысла концепта: *Здравствуй* — *Будь здоров*; ритуальные тосты и здравницы — *Заздравная чаша*; пожелания — *На здоровье (Ваше, твое)!*; *Здравия желаю* — форма приветствия в армии низших чинов высшим. Коммуникативный эффект совместных праздников, встреч и расставаний создается культурными знаками, соотношенными с языковым содержанием лексемы *здоровье* — *здоровый*, наполненным положительными ценностями бодрости, силы, работоспособности, жизнеспособности и др.

Междометный эмоциональный характер построен на отражении внутренней формы реализующей концепт лексемы *здоровье* — ‘сила дерева, мощь, благо, порядок, польза, сохранность’, которые вызывают эмоциональное воздействие высокой силы в процессе общения. Эти речевые штампы касаются не только этической ситуации дискурса, но несут в себе императив, находятся ближе к волюнтаривным междометиям, нежели к чисто этическому культурному коду приветствия, подтверждая тем самым утверждение Ю.С. Степанова: «...концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [1. С. 43].

Исторический аспект реализации концепта позволяет предположить негативную динамику отношения русского человека к своему здоровью, поскольку в современном языке перешли в пассивный запас в разряд устаревших слов либо вышли из литературного языка, оставшись в просторечии, многие лексемы и их значения: *здравствование* — устаревающее значение ‘пребывание живым, здоровым’; *здорование* (устар.) — действие по глаголу *здороваться*; *здравие* (устар.) — то же, что и *здоровье*; *Будь здоров* (прост.) — для выражения восхищения; устаревающее при провозглашении тоста: *Ваше (твое) здоровье*; *За здоровье (кого-либо)*; *быть в добром здравии*; *произнести здравницу*; утрачена регулярность бесприставочного глагола *здороветь* (‘становиться здоровым’, ‘крепнуть’) и др. Значительную роль в этом играет эмоция — и как элемент психического здоровья человека, и как знак культуры: «Мир подвижен. Более того, зачастую неожиданное поведение речевых партнеров стало непредсказуемым по своей нетолерантности, и поэтому человек, обладающий всеми признаками эмоционального интеллекта, не всегда успевает рационализировать свои эмоции» [32. С. 57].

Аксиологический аспект реализации концепта *здоровье* также обеспечен понятийным содержанием наполняющих его положительных лексем, организованных в деривационную систему, репрезентирующую функционально-семантическое устройство поля оценки [14. С. 67—80] с его оценочной шкалой [33]: *очень хорошо* — *довольно хорошо* — *хорошо* — *нормально* — *плохо* — *довольно*

плохо — *очень плохо*. Синтагматическая ось поля демонстрирует сетку количественных и качественных признаков в их градации, реализуемой дериватами с суффиксами субъектной оценки [34]: *здоровьечко* (прост., ласк.) — *здоровьице* (прост. ласк.) — *здоровьишко* (прост. с оттенком пренебрежительности); *здоровенный* (разг. — о сильном, могучем человеке высокого роста) — *здоровенький* (разг. ласк.) — *здоровехонький* (народно-поэт. и разг.) — *здоровешенький* (народно-поэт. и разг.) — *здоровуций* (прост. к здоровенный); *здоровяк* (разг.) — *здоровячка* — *здоровила* (прост.). Народная культурная память хранит в этих лексемах, очевидно, вторичные эмоции ласкового отношения либо пренебрежительной оценки, удерживает их в словаре как знак поэтического отношения к концепту здоровья, реализуемого в народной речи.

Субъектно-объектный характер категории свидетельствует о включении в нее ценностного элемента и возможности формирования оценочного суждения, которая реализуется оценочностью парадигматической оси и формируется оценочными предикатами: в оценочно-признаковой структуре: *Он здоров — здоровый*; глагольной: *Он выздоровеет*; инфинитивно-именной: *Отдыхать = это здорово — это здорово*; эмоционально-оценочной предикатной: *Здорово!*

Ассоциативно-апперцепционное содержание мышления обусловлено процедурой *сравнения*, характерного для человеческого мышления, когда вновь воспринимаемый фрагмент действительности сравнивается с тем, что уже существует в сознании. «При семантическом анализе обнаруживается, что оценка неотделима от сравнения: абсолютные признаки имплицитно содержат сравнение, и сравнение, таким образом, первично» [35. С. 15]. Мы мыслим метафорами, а регулярно воспроизводимые в речи метафоры приобретают статус фразеологических оборотов, обладающих, разумеется, оценочными значениями.

Оценочная метафора как средство выражения образной характеристики концепта

Особенность метафорического поля концептосферы «*здоровье — болезнь*» заключается в тяготении к отрицательной коннотации, сосредоточенности образного поиска в концепте *болезнь*, выстраивании парадигмы *болезнь* человека — *болезнь* государства; *болезнь* человека — *болезнь* природы. Например, частота употребления лексем *здоровье* и *болезнь* и их семантического поля (органы человека, диагнозы, лекарства и др.) в современной русской речи в научных, публицистических и других текстах расширяет и трансформирует семантику репрезентантов концепта.

Особую роль играет метафора, основанная на сравнении с центральным жизненно необходимым человеку органом — *сердцем*: *Джон Мэйтджор сказал в Бонне в марте 1991 г., что хотел поставить Великобританию на место, «где мы находимся в самом сердце Европы», Если мистер Мэйтджор хотел быть в центре Европы, это было, по-видимому, «кровяным сгустком».*

Переконтекстуализируя цитируемый лозунг через ссылку на **сердечный приступ** («переставший биться», «кровяной сгусток»), автор оживил телесные аспекты концепции источника **сердца** таким образом, чтобы представить как объект, так и метафору **сердца** как умирающие сущности. Эта сложная смесь одного источника и концептуальный вызов цели приводит к дополнительным коммуникативным и когнитивным эффектам иронии и оценки, что также делается полезным для понимания самим читателем [36. С. 23—39].

Представление о языковой концептуализации мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта, получившим свое крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы Сепира—Уорфа, согласно которой «человек живет не столько в мире объективной действительности, сколько в мире языка» [37. С. 296], что заставляет нас говорить о взаимобратной корреляции фразеологизма и концепта: слова-компоненты и фразеологизмы, заключающие в себе лингвоспецифичные концепты, одновременно «отражают» и «формируют» образ мышления носителей языка [38. С. 224]. Поэтому, с одной стороны, мы определяем содержательную наполненность концепта с помощью семантического анализа соответствующих слов-компонентов: для концепта «сила» лексем *сила, сильный, сильно, усилить, усилие, насилие* и др., для концепта «слабость» лексем *слабость, слабый, слабо, ослабить* и др. А с другой стороны, анализ фразеологической семантики на предмет оценочной функции фразеологических единиц проводим на основе концептуального понимания лексем *сила* и *слабость*. Объединяя фоновые знания с лингвистическими (семантическими, словообразовательными, лексико-грамматическими), мы составляем *концептуальное понимание лексемы*. Таким образом, влияние фразеологизма на развитие концептуальной роли лексемы и влияние лексемы как компонента оборота на расширение концептосферы *здоровья* и *болезни* очевидно и нуждается в исследовании с позиции воздействия на сознание человека в том числе.

Компонентный анализ фразеологизмов выявил в их семантической структуре оценочные семы. *Кровь с молоком* — «о здоровом, хорошем цвете лица; о здоровом человеке» [38. С. 521]; *находиться на взлете* — «в расцвете творческих сил, вдохновения» и т.п. [39. С. 127]; *не жалея сил (работать, трудиться)* — «самоотверженно, отдавая себя целиком» [39. С. 380]; *горой за кого-то постоять* — «всеми силами, решительно защищать кого-л., отстаивать что-л.» — это *сила*, и это «хорошо». *Валиться от ветра* — «становиться слабым, бессильным» [30. С. 120]; *выбиться из сил* — «ослабеть от сильного или длительного напряжения; сильно устать» [39]; *кишка тонка* — «не хватает сил, средств» и т.п. [39. С. 449] — это *слабость*, и это «плохо». В природе концепта был также выявлен ценностный компонент: *сила* важнее *слабости*, и это «ценность»; *слабость* хуже *силы*, и это «антиценность»: *Сила по силе* — *осилишь, а сила не под силу* — *осядешь*; *Сила и слабость духа* — это просто *неправильные выражения: в действительности же существует лишь хорошее и плохое состояние органов тела* (Франсуа де ла Ларошфуко). Поэтому неизбежным стало решение вопроса о *фразеосемантической* и *концептуальной структурах* лексем *здоровье* и *болезнь*:

Здоровье дороже денег, Даст Бог здоровья, даст и счастья; Здоровому все здорово; Здоровому и нездоровое здорово, а нездоровому и здоровое нездорово; По здорову; По добру, по здорову; Что русскому здорово, то немцу смерть; Будь здорова, как вода, богата, как земля, плодovита, как свинья; Здоровому лечиться — наперед хромать поучиться; Здоровая голова; Здоровая трава (зверобой), Здравый ум.

Боли не поддавайся; Боль врача ищет; Дай боли волю, полежав, да умрешь; Больному все горько. Не рад больной и золотой кровати; Больная жена мужу не мила; Сваливать с больной головы на здоровую; Каждому своя болезнь тяжела.

Ассоциативную связь чьей-либо физической силы обнаруживаем в силе богатырей (богатырская сила / силушка), о которых знаем из былин: Вольга Всеславьевич «растет не по дням, не по часам, а по минуточкам», «от его шагов земля заколебалась», «ростом богатырь Святогор выше темного леса, головой облака подпирает, скачет по горам... Горы под ним шатаются, в реку заедет вся вода из реки выплеснется», «тяжко Святогору от своей силы, носит он ее как трудное бремя. Рад бы половину силы отдать, да некому. Рад бы самый тяжкий труд справиться, да труда по плечу не находится. За что рукой ни возьмется, все в крошки рассыплется, в блин расплющится». *Добрыня Никитич* «статен, и высок, и грамоте обучен, и в бою смел, и на пиру весел...» Он и песню сложит, и на гусях сыграет, и умное слово скажет. Да и нрав Добрыни спокойный, ласковый. Никого он не заругает, никого зря не обидит». Как видно из былин, физическая сила сопровождается духовной.

Стереотипное представление о силе сложилось и под влиянием образа Геркулеса (Геракла): *Геркулес* — ‘человек, обладающий громадной физической силой’ [20. С. 129]. Знания о том, что Геркулес «протянул свои маленькие ручки к змеям, схватил их за шеи и сдавил с такой силой, что сразу задушил их», «вырос <...> и стал могучим юношей. Ростом он был на целую голову выше всех, а сила его далеко превосходила силу человека», легли в основу стереотипа о силе, актуализируемого фразеологизмами *геркулесова сила* — «о необыкновенной, большой силе кого-л.» [39. С. 337], *геркулесовский подвиг* — ‘о чем-л., потребовавшем необыкновенных усилий, труда’ [39. С. 240].

В роли еще одного зооморфного образа, апеллирующего к силе, выступает *бык* — ‘очень сильное, крупное и здоровое животное’ [41. С. 316]. Отклики этих культурных представлений мы находим во фразеологии: *силы как у быка, здоров как бык* — ‘о человеке с очень крепким здоровьем’ [39. С. 434].

Все вышеупомянутые образы, занимая позицию «хорошо» на шкале оценки, провоцируют положительное отношение одобрения. Негативное отношение неодобрения связано с наивными представлениями «о недостаточной или малой силе», воплощенных в образах *мышы, цыпленка* или *комара* с семами ‘небольшой’, ‘неопытный’, ‘наивный’, ‘беззащитный’, ‘мелкий’. Знания о малых силах или их недостатке обращают к концепту «слабость», который актуализируется в языке фразеологизмами: (*сил*) *как у мышы под коленкой, силенок что у цыпленка, комариная сила.*

Наивные представления и образные ассоциации позволяют сформировать *устойчивый мысленный образ о силе* — ‘отличающийся большой физической силой, проявляющейся во внешнем облике (в атлетическом сложении, высоком росте, большой величине’ и т.п.: *косая сажень в плечах; грудь колесом; медвежья, геркулесова сила*; в способности к активным физическим действиям (о человеке, животном): *кидать руками, ногами; пересчитать кости кому-л.; с плеча бить; спустить шкуру; мять бока* [42. С. 784] и *слабости* — ‘не способный совершать активные физические действия по причине недостаточной физической развитости’ *осталось силенок, как у цыпленка; сила ко-маринная, болезни рыхл здоровьем, некрепок на ногах, словно с креста сняли или ‘старости’ Придет старость — наступит и слабость* либо ‘испытывающий упадок сил из-за условий жизни — голода, недоедания’ *умирать с голоду, изнуряющего физического труда (о человеке, животном) устать как со-бака, с ног смотаться, выжатый лимон*. Внешне такой человек, такое животное обычно характеризуются худобой *худой как щепка, спичка спичкой*, отсутствием развитой мускулатуры *кожа да кости, нос вытянулся, лица нет*, неуверенными движениями и походкой *от ветра валиться, еле волочить ноги*: они могут вызывать жалость, сочувствие или презрение [42. С. 150].

Культурная маркированность концептуального имени сила. Фразеологизмы семантической оппозиции «сила» vs. «слабость»

Представление о *силе* выходит за рамки ее физического понимания и про-воцирует его экспликацию с помощью лексем и фразеологизмов: *бицепс, бо-гатырь, богатырский, борец, быть в силах, взять с силой, в силу, в силу того, что, выбиваться из сил, выбившийся из сил, выносливый, изо всей силы, изо всех сил, Геркулес, дюжий, железная рука, жилиться, закаленный, защита, здоровье, здоровяк, зрелость, колосс, коренастый, крепкий, лишать сил, ли-шиться сил, матерый, множество, мышца, набирать силы, надрывать, налегать на что, напрягать силы, насилие, натуживаться, не по силам, неутомимый, плотный, полный сил, противодействие, работоспособный, ра-бочий, ражий, силач, силиться, сильный, сильный как бык, силушка (разг.), силища (разг.), слаженный, смелость, собираться с силами, спортсмен, спо-собность, стальная хватка, титан, укреплять, упадок сил, усилие, что есть силы, шкаф (разг.), энергичный, через силу* [12. С. 155].

Ассоциативное поле концептуального имени *слабость* было сформиро-вано на основе синонимического ряда, который также показал, что наши представления о *слабости* выходят за рамки ее физического понимания, включая: *слабосилие, бессилие, немощность, расслабление, расслабленность, тщедушие; пристрастие, конек, склонность, наклонность, расположение, любовь, страсть, влечение, тяга, охота, вкус; астения; малосилие, упадок сил, изнеможение, изнурение, истощение, немочь, вялость, истома, недоста-ток; скупость, шероховатость, дефект, страстишка, беспомощность, хи-лость, хлипкость, разбитость, слабодушие, слабоволие, бесхарактерность,*

слабовольность, привычка, водянистость, фонастения, теневая сторона, пробел, порок, невесомость, нетвердость, квелость, неяркость, неустойчивость, малость, незначительность, малосильность, маломощность, негромкость, слабосильность, дохлость, дряблость, пассив, болезненность, неудовлетворительность, уязвимость, червоточина, тряпичность, бзик, слабохарактерность, неверность, нежность, мягкотелость, посредственность, дряхлость, недочет, неискренность, недоработка, слабая сторона, отрицательный момент, слабое место, ахиллесова пята, уязвимое место, астеничность, тусклость, любимое занятие, хобби, незащищенность, предрасположенность, предрасположение, приверженность, subtilность, легкость, бессильность, скверность, влечение — род недуга, минус, изъян, беззубость, увлечение, червоточинка, немощь, неплотность, чахлость, слабая струна, несовершенство, несовершенность, слабое звено, беззащитность, слабина, безволие, безвольность, адинамия, астенопия [43].

В результате проведения сравнительного анализа концептуального понимания *силы* и *слабости* с выявлением их сходств и различий было установлено, что «сила» — один из основных концептов картины мира, связанный с характеристикой человека — имеет сложную структуру и отражает важный фрагмент мировидения человека [12. С. 10]; объем концепта «сила» превышает объем концепта «слабость». С *силой* связано огромное количество смыслов: *физическая величина, физическая сила, духовная сила, энергия, власть, насилие, закон, суть, усилие, рабочая сила, злые силы, мужество, вооруженные силы, множество*, в то время как с *слабостью* — всего несколько: *недостаток энергии, болезнь, привычка, мало, плохо*, что, соответственно, скажется и на разной степени их актуализации фразеологизмами.

Объясняется это *культурной маркированностью* концепта «сила». *Сила* обладает большей значимостью, поскольку в сознании русского человека представляет *ценность*. *Сила* соответствует норме и оценивается положительно в физиологическом контексте: *сильный человек* — здоровый человек. *Сила* жизненно необходима человеку, она есть показатель жизнеспособности: *жизненные силы, найти в себе силы, собраться с силами, находиться в расцвете сил*. *Сила* способствует действию: *быть в силах делать что-либо*. *Сила* есть причина явлений действительности: *возникнуть в силу* каких-либо обстоятельств. *Сила* имеет божественное начало: *Сильна Божья рука; Что Богу не угодно, то и не сильно*. *Сила* желанна в социальном плане, к ней стремятся: *стремление к силе* — стремление к власти. *Сила* государства определяется *вооруженными силами*. *Слабость* же определяется через *силу*: «*слабость* — недостаток физических сил, энергии», «*слабый* — отличающийся малой силой, мощностью» [20. С. 727] и служит *вспомогательным концептом*. Он существует для лучшего понимания *силы*, как зло для добра, тьма для света, безобразие для красоты, что проявляется в пословицах и поговорках русского народа: *Сила по силе — осилишь, а сила не под силу — осядешь. Сила молчит, слабость кричит. Сильный крепок, слабый цепок. Сильному работа впрок, а слабому дай срок. Сильный дуростью слаб, а слабый ловкостью умен* [24].

Основанное на принципе отрицания ценности, содержание концепта «слабость» несет в себе негативную оценку, за исключением тех смыслов, что связаны с интенсивностью и количеством и зависимы от синтактики и коммуникативных аспектов, а также редких нестандартных представлений типа: *Сила женщины — в ее слабости* [44. С. 736].

Фразеологизмы семантической оппозиции «сила» vs. «слабость» неизбежно апеллируют к *когнитивной базе (КБ)* — «определенным образом структурированной совокупности необходимо обязательных знаний и национально детерминированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета» [45. С. 61]. А когнитивная база, скрепляя все когнитивные пространства (индивидуальные и коллективные), в свою очередь, является ядром культурного пространства. *Русское культурное пространство* включает все многообразие знаний и представлений носителей русского ментально-лингвального комплекса, в том числе стереотипы и культурно-значимые фреймы, с которыми так или иначе соотносятся фразеологизмы.

В русском культурном пространстве фразеологизм занимает место на правах *прецедентного феномена (ПФ)*, ибо обладает всеми необходимыми свойствами: он хорошо известен всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (имеет сверхличностный характер), актуален в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, обращение к нему представителей национально-лингвокультурного сообщества постоянно возобновляется. Как прецедентный феномен, фразеологизм способен выполнять роль эталона культуры, функционировать как свернутая метафора, выступать как символ какого-либо феномена или ситуации (взятых как совокупность некоторого набора дифференциальных признаков) [47. С. 170—171]. Символом *силы* стали фразеологизмы *здоров как бык*, актуализирующий признак *здоровья*; *вылезти из кожи вон* — признак *усердия*; *взять в свои руки* — признак *власти*. Символом *слабости* выступают фразеологические единицы *кожа да кости* с дифференциальным признаком *худоба*, *хоть веревки вей* с дифференциальным признаком *слабоволие*, *ахиллесова пята* с дифференциальным признаком *уязвимость*.

В когнитивной базе фразеологические единицы представлены в виде *феноменологических когнитивных структур (ФКС)*, однако при актуализации в коммуникативной ситуации очевидными становятся и их *лингвистические когнитивные структуры (ЛКС)*.

Заключение

Язык выражает все, что существует в ранге речевых способностей человека внутри нас и вне нас. Он — связующее звено между миром и нашим мышлением о мире, язык определяет знаки внешнего мира как хорошие и или плохие, типизирует их, создает с их помощью «кванты знаний», например, о

здоровье и болезни, о сфере медицины в целом. Язык выступает медиатором знаний и культуры, представляя *здоровье* человека как субъективную и объективную ценность, а *болезнь* — как антиценность в рамках языковой и культурной картины мира. *Здоровье* и *болезнь* как категория состояния организма и его жизнедеятельности, относящаяся как к обыденному, так и к научному дискурсу, обозначает явление естественного мира. Понятийный, образный, ценностный характер концептов детерминирован базовым оценочным содержанием: *здоровье* — ‘соответствие норме’; *болезнь* — ‘отклонение от нормы’. Описание понятийной характеристики концептосферы «*здоровья — болезни*», синтезирующий подход к исследованию их прагматического потенциала и лексикографического «портрета» на основе национально-культурной специфики картины мира обусловил выявление и описание культурной маркированности, семантики языковых знаков в русском культурном пространстве как совокупности многомерных смысловых образований.

Библиографический список

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.
2. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
3. Wilce J.M. Medical discourse // *Annual Review of Anthropology*. 2009. Vol. 39. P. 199—215.
4. Жура В.В. Эмоциогенность общения «врач — пациент» как коммуникативная проблема устного медицинского дискурса // *Известия государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 50. С. 38—44.
5. Грибер Ю.А., Юнг И.Л. Здоровье и болезнь: цветовые ассоциации в современной русской культуре // *Человек и культура*. 2018. № 5. С. 32—43. doi: 10.25136/2409-8744.2018.5.23491
6. Степанова Е.С. Лингвокогнитивные особенности мифа о болезни // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. Т. 12. № 1. С. 153—164. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-153-164
7. Голев, Н. Д., Шпильная Н. Н. Обыденная медицинская коммуникация (виды дискурсивных практик) // *Вестник КемГУ*. 2012. № 1(49). С. 128—137.
8. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс: Универс, 1993.
10. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003.
11. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
12. Ильинская Т.Н. История формирования и эволюция концепта «сила» во французском и русском языках: дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук. Томск, 2006.
13. Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность»). Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000.
14. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки // *Филологические науки*. 1995. № 3. С. 67—80.
15. Борискина О.О. Корпусное исследование языка: мода или необходимость? // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015. № 3. С. 24—27.
16. Заботкина В.И. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М.: Языки славянской культуры, 2015.

17. Гаспарян Г.Р., В.Е. Чернявская В.Е. Текст как дискурсивное событие // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 44—51.
18. Герд А.С. Автоматизация в лексикографии и словари-конкордансы // Филологические науки. 1981. № 1. С. 72—78.
19. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004.
20. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ, 2006 г.
21. Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 59. М.: Терра, 1992.
22. Кузнецова Е.В. Лексикология русского языка. М., 1989.
23. Кузнецов С.А. Новейший большой толковый словарь русского языка. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, М.: РИПОЛ классик, 2008.
24. Эйнштейн А. Эволюция физики. М.: Тайдекс Ко, 2005.
25. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Русский язык Медиа, 2009.
26. Новиков Л.А. Избранные труды. Том 1. Проблемы языкового значения. М.: РУДН, 2001.
27. Телия В.Н. Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Словарь образных выражений русского языка. М.: Отчизна, 1995. С. 10—16.
28. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
29. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5—33.
30. Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958.
31. Шанский. Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994.
32. Шаховский В.В. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (1). С. 54—79.
33. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45—97.
34. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // История слов. М.: Толк, 1994. С. 5—34.
35. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2009.
36. MusolfAndreas. Creativity in Metaphor Interpretation // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 1. С. 23—39. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-23-39
37. Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс. М.: Флинта: Наука, 2004.
38. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.
39. Тихонов А.Н., Ломов А.Г., Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 тт. М.: Наука: Флинта, 2004.
40. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4-х т. М., 1986.
41. Брилева И.С., Вольская Н.П. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Выпуск 1. М.: Гнозис, 2004.
42. Бабенко Л.Г. Синонимы русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2011.
43. Словарь русских синонимов (он-лайн версия). Classes.ru. М., 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-79610.htm> (дата обращения: 28.02.2021).
44. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-Пресс, 2010.
45. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

References

1. Stepanov, Y.S. (2001). *Constants. Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Academic Project. (In Russ.).
2. Karasik, V.I. (2009). *Linguistic keys*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
3. Wilce, J.M. (2009). Medical discourse. *Annual Review of Anthropology*, 39, 199—215. (In Eng.).

4. Zhura, V.V. (2008). Emotionality of “doctor-patient” communication as a communicative issue of spoken medical discourse. *Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University*, (50), 38—44. (In Russ.).
5. Grieber, Y.A. & Jung, I.L. (2018). Health and illness: color associations in contemporary Russian culture. *Man and culture*, (5), 32—43. doi: 10.25136/2409-8744.2018.5.23491 (In Russ.).
6. Stepanova, E.S. (2020). Cognitive linguistics features of the medical myth. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 153—164. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-153-164 (In Russ.).
7. Golev, N.D. & Shpilnaya, N.N. (2012). General medical communication (types of discursive practices). *Bulletin of Kemerovo State University*, 1(49), 128—137. (In Russ.).
8. Humboldt, W. (1984). *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
9. Sepir, E. (2001). Selected Works In *Linguistics and Cultural Studies*. Moscow: Progress. (In Russ.).
10. Uryson, E. (2003). *Problems of research on the linguistic worldview. Analogy in semantics*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
11. Slyshkin, G.G. (2000). *From text to symbol: linguistic and cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse*. Moscow: Academia. (In Russ.).
12. Ilyinskaya, T.N. (2006). *History of formation and evolution of the concept “Force” in French and Russian languages* [dissertation]. Tomsk. (In Russ.).
13. Tokarev, G.V. (2000). *Problems of linguistic and cultural description of the concept*. Tula: Tolstoy State Pedagogical University of Tula. (In Russ.).
14. Markelova, T.V. (1995). Semantics and pragmatics of means of evaluation in Russian. *Philological Studies*, 3, 67—80. (In Russ.).
15. Boriskina, O.O. (2015). Corpus research of language: trend or necessity? *Voronezh State University Bulletin. Series: Linguistics and intercultural communication*, 3, 24—27. (In Russ.).
16. Zabotkina, V. (2020). *Methods of cognitive analysis of word semantics. A computer-based corpus approach*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
17. Gasparyan, G.R. & Chernyavskaya, V.E. (2014). Text as a discursive event. *Issues in cognitive linguistics*, 4, 44—51. (In Russ.).
18. Gerd, A.S. (1981). Automation in lexicography and concordance dictionaries. *Philological Studies*, 1, 72—78. (In Russ.).
19. Vorkachev, S.G. (2004). *Happiness as a Linguistic and cultural Concept*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
20. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Y. (2006). *The Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow: ITI. (In Russ.).
21. Brockhaus, F.A. & Ephron, I.A. (1992). *Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Terra. (In Russ.).
22. Kuznetsova, E.V. (1989). *Lexicology of the Russian language*. Moscow. (In Russ.).
23. Kuznetsov, S.A. (2008). *The Newest Big Dictionary of the Russian Language*. Moscow: RipolClassic. (In Russ.).
24. Einstein, A. (2009). *Evolution of physics*. Moscow: Tidex Co. (In Russ.).
25. Dahl, V.I. (2009). *Proverbs of the Russian people*. Moscow: Russian Language Media. (In Russ.).
26. Novikov, L.A. (2001). *Selected works. I. Problems of linguistic meaning*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
27. Telia, V.N. (1995). The main features of the meaning of idioms as units of the idiomatic language composition. In: *Dictionary of figurative expressions in the Russian language*. Moscow: Otchizna. pp. 10—16. (In Russ.).
28. Arutyunova, N.D. (1999). *Language and the world of man*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
29. Apresyan, Y.D. (1986). Deixis in vocabulary and grammar and the naïve model of the world. *Semiotics and informatics*, 28(5), 5—33. (In Russ.).
30. Potebnya, A. (1958). *From notes on Russian grammar*. Moscow: State Pedagogical Educational Publishing House of the Ministry of Education. (In Russ.).
31. Shansky, N.M. & Bobrova, T.A. (1994). *Etymological dictionary of the Russian language*. Moscow: Proserpina. (In Russ.).

32. Shakhovsky, V.I. (2018). Cognitive matrix of emotional and communicative personality. *Russian Journal of Linguistics*, 22(1), 54—79. (In Russ.).
33. Morris, C.W. (1983). *Foundations of the Theory of Signs. Semiotics: Anthology*. Moscow: The Academic Project; Ekaterinburg: Delovaya kniga. pp. 45—97. (In Russ.).
34. Vinogradov, V.V. (1995). Word and meaning as a subject of historical and lexicological research. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1, 5—36. (In Russ.).
35. Wolf, E.M. (2009). *The functional semantics of evaluation*. Moscow: URSS. (In Russ.).
36. Musolff, A. (2019). Creativity in metaphor interpretation. *Russian Journal of Linguistics*, 23(1), 23—39. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-23-1-23-39
37. Norman, B.Y. (2004). *Theory of language*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
38. Shmelev, A. (2002). Russian language model of the world. Materials for the dictionary. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
39. Tikhonov, A.N. & Lomov, A.G. (2004). *Phraseological dictionary of the modern Russian literary language*. Moscow: Nauka: Flinta. (In Russ.).
40. Evgenieva, A.P. (1986). *Dictionary of the Russian language*. Moscow. (In Russ.).
41. Brileva, I.S., Volskaya, N.P. & Gudkov, D.B. (2004). *Russian Cultural Space: Linguocultural Dictionary*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
42. Babenko, L.G. (2011). *Dictionary of synonyms of the Russian language*. Moscow: Astril, AST. (In Russ.).
43. Dictionary of Russian synonyms (online version). (2012). Classes.ru. Moscow. [Electronic resource]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-79610.htm> (accessed: 28.02.2021). (In Russ.).
44. Zimin, V.I. (2010). *Thesaurus dictionary of Russian proverbs, sayings and expressions: more than 22,000 proverbs, sayings, sayings, proverbs, sayings, proverbs, riddles, signs*. Moscow: AST-Press. (In Russ.).
45. Krasnikh, V.V. (2003). *“At home among strangers”: A myth or reality?* Moscow: Gnosis. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Маркелова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, первый проректор — проректор по учебной работе АНО ВО «Институт современного искусства». Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник профессионального образования; *сфера научных интересов*: аксиологическая лингвистика, прагмакоммуникация, синтаксическая семантика, лингвокультурология; *e-mail*: tvmarkelova@mail.ru ORCID 0000-0003-4400-6175; eLIBRARYSPIN-код: 4862-5769

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка юридического института РУДН; *сфера научных интересов*: лингвистическая поэтика, семиотическое и семантическое моделирование, язык как семиосфера, когнитивистика; *e-mail*: novikova_ml@rudn.ru ORCID 0000-0002-4673-067X; eLIBRARYSPIN-код: 1502-9636

Information about the authors:

Tatyana V. Markelova, DSc. in Philology, Professor, first vice-rector — Vice-rector for academic of Affairs, Autonomous non-commercial Art University «Institute of Modern Arts»; *Research interests*: Axiological Linguistics, Pragmatic communication, Syntactic Semantics, Cultural studies; *e-mail*: tvmarkelova@mail.ru ORCID 0000-0003-4400-6175; eLIBRARY SPIN-code 4862-5769

Marina L. Novikova, DSc. in Philology, Professor, Russian Language Department, Institute of Law, RUDN university; *Research interests*: Linguistic Poetics, Fictional Text studies, Semiotic and Semantic Modeling, Language as a Semiosphere, Cognitive studies; *e-mail*: novikova_ml@rudn.ru ORCID 0000-0002-4673-067X; eLIBRARY SPIN-code 1502-9636